КОНСПЕКТЫ ЛЕКЦІЙ,

танныхъ въ 1909 году въ Новгородскомъ Обществѣ Лю-
телей Древности гг. лекторами Императорскаго
Археологическаго Института.

Н. В. Покровскій.

онспективное изложеніе чтеній по хри-
стіанской археологіи.

зданіе Новгородскаго Общества любителей древности.

ИЗДАНІЕ 2-е.

КОНСПЕКТЫ ЛЕКЦІЙ,

танныхъ въ 1909 году въ Новгородскомъ Обществѣ Любителей Древности гг. лекторами Императорскаго Археологическаго Института.

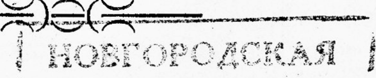
Н. В. Покровскій.

онспективное изложеніе чтеній по христіанской археологіи.

Вып. II

даніе Новгородскаго Общества любителей древности.

ИЗДАНІЕ 2-е.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1916.

Напечатано по постановленію Новгородскаго Общества люб
лей древности 28 окт. 1909 г.

Предсѣдатель Общества М. Муравьевъ.

Н. В. Покровскій.

Конспективное изложеніе чтеній по христіанской археологіи.

(2—6 сентября 1909 г.).

люб

Предметомъ нашихъ чтеній будутъ памятки Новгородской художественной старины.

Исторія русскаго искусства, строго говоря, инается съ появленіемъ въ Россіи христіана, но уже въ VII в. Новгородцы, отчасти и вляне, были знакомы съ каменными постками. Въ Кіевѣ и Вышгородѣ въ VIII вѣкѣ ли каменные терема, а въ Новгородѣ въ XI в. е существовали каменныя стѣны съ бойнии. Не подлежитъ сомнѣнію, что во времена ычества существовали уже каменныя сооруній, въ которыхъ помѣщались идолы. Такъ, I-го Новгородскаго епископа Іоакима въ описи говорится: „требища разори“.

Мѣста нахожденія языческихъ капищъ, съ леніемъ христіанства, отмѣчались сооружеь храмовъ. Такъ, въ Кіевѣ, гдѣ стоялъ Перунъ

поставлена въ 988 г. цер. Василія. Выдубицкій мо
настырь, по преданію, построенъ на томъ мѣст
гдѣ брошенный въ Днѣпръ идолъ Перуна выды
балъ, т. е. выплывалъ. Въ Новгородѣ есть мѣст
ность, которая называется Волотово (или как
ее въ старину звали Волосово), гдѣ по преданію
былъ идолъ Волоса, а теперь церковь. Назван
Перынскій скитъ близъ Новгородскаго Юрьев
монастыря произошло, вѣроятно, отъ слова Пе
рунъ. Въ Кіевѣ Десятинная церковь построе
на мѣстѣ, гдѣ дѣлались жертвоприношені
то же въ Новгородѣ Звѣринъ монастырь. Впр
чемъ, это явленіе не есть русская особенност
такъ напр. въ Римѣ церковь Климента пос
роена, какъ показали раскопки, на томъ мѣст
гдѣ было капище Митры. Гдѣ стоитъ Константин
польская Айя—Софія, до IV вѣка стоялъ языч
скій храмъ. Въ Вильно костелъ св. Станисла
построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ горѣлъ ого
Зничъ.

Въ основѣ этого обычая лежатъ соображен
психологическаго свойства,—желаніе прив
новую идею, къ сознанію народа. Отсюда прее
ственный переходъ отъ Перуна къ Ильѣ Пр
року, отъ Волоса—къ Власію, отъ Купала—к
Аграфенѣ Купальницѣ.

Гдѣ же искать у насъ мѣстъ древняго культа-
столь любопытныхъ для нашего національна
самосознанія?

По отношенію Новгородской области эти мѣста надо искать въ жальникахъ. Ихъ въ Новгородской землѣ множество (укажу на жальникъ въ Бологомъ, близь ст. Березайки).

Жальникъ имѣетъ корнемъ слово жалость—это старинныя кладбища; первоначально они были языческими, а потомъ стали и христіанскими. Погребенія на жальникѣ окружены большими булыжными камнями. Камни эти правильно расположены вокругъ погребенія, другъ отъ друга на разстояніи $3^1/_2$ шаговъ; иногда встрѣчается изображеніе креста на камнѣ въ ногахъ покойника. Позднѣе въ головахъ и ногахъ ставились грубо сдѣланные каменные кресты, такъ называемыя лопаты, форму которой они напоминаютъ. Жальники почти всегда расположены на холмѣ, близь нихъ остатокъ лѣса, рѣка или озеро. Культъ совершался, очевидно, на этихъ жальникахъ: вода и лѣсъ въ сознаніи первобытнаго человѣка—сферы священныя, населенныя духами—водянаго и лѣшаго. И вотъ жальники расположены у этихъ священныхъ мѣстъ. Это отмѣчено еще въ лѣтописяхъ: „и пріиде на холмъ, идѣже стояше Перунъ".

Около холмовъ много христіанскихъ часовенъ, что надо объяснять также, какъ и постройку нашихъ древнѣйшихъ храмовъ—и тѣ и другіе ставились въ мѣстахъ уже освященныхъ культомъ. На эти мѣста будущій историкъ русской

языческой религіи долженъ обратить особое вниманіе.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній, возвращаюсь къ памятникамъ Новгородской художественной старины.

Посылая сыновей въ удѣлы, Владиміръ наказываетъ имъ строить „церкви по градамъ“; въ какихъ городахъ не указано, но, очевидно, это относилось и до Новгорода.

Храмозданіемъ занимались не только князья и церковные іерархи, но и самъ народъ, хотя объ этомъ лѣтописецъ обыкновенно не упоминаетъ; а что это было такъ, то это видно изъ сопоставленія числа построеній церквей съ числомъ погорѣвшихъ въ большіе пожары, послѣднихъ всегда болѣе чѣмъ первыхъ. Наконецъ, мы этому мірскому построенію имѣемъ прямое доказательство въ сооруженіи обыденныхъ церквей, т. е. построенныхъ міромъ въ одинъ день. Къ числу такихъ мірскихъ обыденныхъ церквей въ Новгородѣ относится церковь Андрея Стратилата въ Дѣтинцѣ и Симеона Богопріимца въ Звѣриномъ монастырѣ, хотя послѣдняя настолько велика, что могла бы быть построена въ одинъ день только въ томъ случаѣ, если весь матеріалъ былъ заранѣе заготовленъ.

Благодаря строительству князей, духовенства и народа, число церквей въ Новгородѣ было весьма значительно; такъ, изъ лѣтописи мы

знаемъ, что въ 1340 г. былъ пожаръ, на которомъ сгорѣла 51 церковь, (48 деревянныхъ и 3 камен.), въ томъ числѣ Св. София, а также Великій мостъ и 7 человѣкъ народа. До 1263 г. идетъ прогрессивно увеличивающаяся постройка церквей, но съ 1263 г. до конца XIII в. она обрывается—это вліяніе татарскаго разгрома; потомъ церковное строительство опять растетъ, но съ 1444 г. опять падаетъ, начинается эпоха паденія Новгорода. Обиліе лѣса заставило Новгородцевъ строить церкви деревянныя. Это обиліе лѣса сдѣлало изъ Новгородцевъ искусныхъ плотниковъ. Новгородцы издревле были плотники: еще во время борьбы Ярослава Мудраго съ Святополкомъ Окаяннымъ, передъ битвою у Любеча, воевода Волчій Хвостъ кричалъ Новгородцамъ: „Эй вы, плотники... вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы“. Въ противоположность Новгородцамъ Владимірцы—каменщики; такъ уже въ XII в. Ростовцы, обиженные возвышеніемъ Владиміра, говорили иа вѣчѣ: „Владимірцы наши холопы и каменщики“.

Говоря о построеніи деревянныхъ церквей, лѣтописецъ говоритъ, что она была срублена, а о каменныхъ—поставлена.

Какая же архитектурная форма отличала это древнѣйшее храмовое зодчество? Древнѣйшія деревянныя церкви не сохранились. Самой старой деревянной церковью, сохранившеюся до нашихъ

дней, считается церковь въ Рябовѣ Тихвинскаго уѣзда, сооруженная въ 1485 г. (она датирована). Она подвергалась легкимъ подправкамъ, но очень незначительнымъ и не испортившимъ ея внѣшняго вида. Она очень маленькая и можетъ вмѣстить въ себѣ наврядъ ли болѣе 11 молящихся.

Лѣтописецъ, говоря о сооруженіи храма, никогда не упоминаетъ объ ея архитектурѣ,--онъ обращаетъ вниманіе на размѣръ церкви, на чудесное событіе, имѣвшее мѣсто при ея постройкѣ (напр. на чудо отъ образа Спасителя въ куполѣ Св. Софіи), кто ее освящалъ.

Но есть возможоость востановить элементы древняго Новгородскаго деревяннаго церковнаго зодчества.

Для этого служатъ кое-какія указанія въ лѣтописяхъ и писцовыхъ книгахъ и путь сближенія съ сохранившимися памятниками XV и XVI в. Планъ храма въ Россіи, принявшей христіанство изъ Византіи, долженъ былъ быть византійскимъ. Въ Кіевѣ архитектурныя формы окаменѣли и застыли, не пошли далѣе византійскаго образца. Но византійскихъ зодчихъ было мало и въ деревянномъ храмозданіи пришлось прибѣгнуть къ русскимъ плотникамъ.

Софійскій соборъ строили византійскіе зодчіе, но Софія одна, а церквей въ Новгородѣ было много и ихъ строили тѣ же плотники. Планъ византійскаго храма—прямоугольникъ близкій къ

квадрату съ 4 столбами, соединенными арками, на которыя упирались своды, и все зданіе вѣнчалось трибуномъ и куполомъ. Но столбы были плотнику не нужны, сводовъ онъ дѣлать не могъ. Такимъ образомъ, каменная архитектура византійская не могла служить образцомъ для Новгородской деревянной архитектуры.

Деревянные храмы были и на западѣ, но генетической связи у Новгородскихъ деревянныхъ храмовъ съ ними нѣтъ, какъ это ошибочно полагалъ гр. Уваровъ—на западѣ бревна ставились вертикально, а у насъ всегда горизонтально. Даже странно предполагать, что во всякомъ дѣлѣ мы обязательно должны были заимствовать чужіе образцы.

Для зодчества церковнаго былъ проложенъ путь въ русскомъ хоромномъ зодчествѣ. Слово хоромы, хоромина, одного корня со словомъ храмъ, т. е. зданіе, главнымъ образомъ, высокое, величавое.

Высота—признакъ величія и не въ отношеніи величины, а высоты. оттуда эпитетъ великій (Иванъ Великій). Основная форма хоромнаго зодчества—клѣть (простой срубъ), если постройка зимняя—изба, подъ нею подклѣтье. Если клѣти мало для хоромы—устраивается надъ нею горница. Покрывается горница обыкновенной 2-хъ или 4-хъ скатной крышей. Въ такомъ зданіи укладывалось все хозяйство, но для людей не

простыхъ этого было мало и по мѣрѣ развиті богатства, расширялось и помѣщеніе. Хоромы— это совокупность нѣсколькихъ клѣтей. Образцом хоромнаго зодчества можетъ служить, нын не существующій, Коломенскій дворецъ под Москвою. Въ этомъ сооруженіи былъ какъ бы нѣкоторый безпорядокъ, но въ тоже время своеобразная красота.

Въ хоромахъ отдѣльныя клѣти соединяютс сѣнями—всегда свѣтлыми, просторными,—эт наши теперешнія залы, которыя служили дл увеселенія молодежи, о чемъ поется въ извѣст ной пѣсни. Каждая клѣть имѣла свою особую крышу. Крыши были на два ската, на 4 ската и бочкой. Крыльцо—это украшеніе хоромъ; обык новенно оно покрывалось шатромъ или бочкой У богатыхъ людей на крыльцахъ 3 рундука (три площадки)—потому что для знатнаго был 3 встрѣчи, а равный встрѣчался только наверху

Итакъ хоромы—это совокупность клѣтей соединенныхъ сѣнями, покрытыхъ красивыми крышами.

Гражданское деревянное зодчество дало достаточный матеріалъ и для храмоваго деревяннаго русскаго зодчества.

Для храмовъ производилось сочетаніе срубовъ, вотъ почему въ памятникахъ древней русской письменности упоминается о числѣ угловъ храмовъ. Число этихъ угловъ иногда было очень велико; подъ 1147 г. въ лѣтописи

упоминается, что сгорѣла церковь о 26 углахъ, что получалось отъ соединенія нѣсколькихъ срубовъ. Бывали храмы и округлые, но круглымъ изъ дерева построить нельзя и потому это были многогранники.

На крышахъ храмовъ помѣщались—шейка и маковица съ крестомъ.

Размѣры у храмовъ бывали иногда большіе, особенно вверхъ, иногда до 30 саженъ.

Привязанность русскаго древняго человѣка къ преданію и старинѣ была очень велика. Храмы часто строились міромъ и, какъ дѣло общественное, они не могли скоро измѣняться, почему въ XVI и XVII вѣкахъ повторяются тѣ формы, которыя были въ отдаленныя времена. Въ заключеніе долженъ сказать, что русское древнее деревянное зодчество есть проявленіе русскаго самобытнаго генія.

Въ Новгородѣ деревянная архитектура на первыхъ же порахъ вступила на путь самостоятельнаго національнаго развитія; того же нельзя сказать объ архитектурѣ каменной, которая и до нынѣ сохранила на себѣ слѣды своего византійскаго прототипа.

Ознакомимся съ сохранившимися памятниками, для выдѣленія признаковъ.

На первомъ мѣстѣ надо поставить каменную Св. Софію. Съ нею была связана не только церковная, но и политическая жизнь (обще-

ственные выборы, вопросы о войнѣ и мирѣ и т. п.). Значеніе Новгородской Софіи опредѣлялось изреченіемъ Мстислава Удалого: „гдѣ Св. Софія, ту Новгородъ“.

Новгородская Софія примыкаетъ къ числу христіанскихъ сооруженій, которыя носятъ тоже названіе: Айя — Софія Константинопольская, церкви Св. Софіи въ Трапезонтѣ, Херсонисѣ, Кіевѣ, Гроднѣ, Вологдѣ, Тобольскѣ.

Что такое была Св. Софія — не совсѣмъ ясно. Впервые мы ее встрѣчаемъ въ философіи Платона, рано встрѣчаемъ и въ христіанской церкви. Нѣкоторые отожествляютъ съ Св. Софіей — второе лице Св. Троицы, а другіе (напр. Игнатій Богоносецъ) Богоматерь. Явленіе — любопытное, но не разрѣшенное до сихъ поръ.

Юстиніанъ, строя храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ, разумѣлъ подъ Софіей Христа. Софія была выражена лучезарнымъ Ангеломъ, но храмовой Константинопольской иконы Св. Софіи, повидимому, не было; я работалъ по этому вопросу, но ничего опредѣленнаго не нашелъ.

Сохранилась историческая леганда о построеніи храма Св. Софіи въ Константинополѣ, выясняющая, почему Премудрость Божія изображена въ видѣ Ангела. Легенда повѣствуетъ, что, во время построенія храма, постройкой котораго завѣдывалъ архитекторъ Игнатій, однажды онъ съ рабочими ушелъ на обѣдъ и оставилъ

своего малолѣтняго сына караулить инструменты. Работа шла такая спѣшная, что византійцы, не смотря на свое обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, возвращались къ постройкѣ довольно скоро. И вотъ, въ отсутствіе старшихъ, сынъ Игнатія видитъ, что къ нему приближается безбородый юноша, какъ-бы каженикъ съ лучезарнымъ лицомъ, и спрашиваетъ его: „гдѣ же рабочіе?" Сынъ Игнатія отвѣтилъ, что они обѣдаютъ; тогда пришедшій возразилъ: „какой же теперь обѣдъ, идетъ такая спѣшная работа, иди и зови ихъ на работу". „Но я не могу идти, такъ какъ сторожу инструменты",—возразилъ сынъ Игнатія. „Иди, здѣсь я стражъ"—сказалъ пришедшій. Сынъ Игнатія пошелъ къ отцу и рабочимъ и разсказалъ имъ о каженикѣ. Тогда византійцамъ стало ясно, что каженикъ былъ никто иной, какъ Ангелъ Божій, стражъ храма Св. Софіи, олицетворявшей собою Іисуса Христа. Такъ какъ Софія Новгородская созидалась по подобію Византійской, то и на иконѣ она изображена лучезарнымъ Ангеломъ со свиткомъ и надписью: „Софія премудрость Божья Іисусъ Христосъ". Это Новгородскій типъ,—онъ же и въ Вологдѣ, а въ Кіевѣ типъ другой, встрѣчающійся и въ Тобольскѣ; въ немъ Св. Софія изображена Божіей Матерью. Если обратиться къ церковной службѣ, то можно примирить оба воззрѣнія: Христосъ есть Софія и Богоматерь—Престолъ Его. Эта

двойственность проглядываетъ не только въ иконографіи, но и литературѣ, и въ нихъ нѣтъ попытокъ примирить это противорѣчіе—это богословіе—не церковное, а народное, это—выраженіе народной мысли.

Софія празднуется то 8-го сент. (богородичный праздникъ), то 15-го авг. (тоже богородичный праздникъ), а въ Константинополѣ 23 и 24 декабря, здѣсь ея празднованіе пріурочено къ чествованію Христа. Во всякомъ случаѣ обѣ формы древнія.

На одномъ образѣ VI-го столѣтія Софія изображена въ видѣ Ангела. Какъ я уже говорилъ, Новгородская Софія примыкаетъ къ числу весьма распространенныхъ во всемъ мірѣ сооруженій въ честь Софіи.

Первоначальное ея построеніе относится къ 989 г., когда Св. Софія была построена дубовой о 13 верхахъ, близь того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь Андрея Стратилата, но въ 1045 г. она сгорѣла и на ея мѣстѣ Садко богатый гость построилъ впослѣдствіи церковь Бориса и Глѣба. Каменная же Софія была заложена въ 1045 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ она и теперь стоитъ. Строился соборъ 7 лѣтъ и освященъ при Новгородскомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ и второмъ Новгородскомъ епископѣ Лукѣ Жидятѣ. Зодчіе его были греки. Какая церковь служила ему прототипомъ, указать нельзя; типъ его визан-

тійскій, получившій свое развитіе между VI и X вѣкомъ. Сложена Новгородская Софія изъ дикаго камня, крыша у нея коробовая. Первоначально Софія была меньше, чѣмъ въ настоящее время,—впослѣдствіи къ ней были пристроены паперти и апсиды новыхъ придѣловъ. Въ западной части у нея башня.

Второй памятникъ, но другаго порядка, это Спасо-Нередицкая церковь, построенная въ 1198 г.; въ 1548 г. она погорѣла, но только „до плечъ", т. е. огонь коснулся только ея верхней части. Особенность ея—это отдѣлка стѣнъ Новгородскими архитектурными фасами. Въ своемъ первоначальномъ видѣ Нередица не была такова, какъ теперь, послѣ реставраціи. Теперь, благодаря посводному покрытью, ей приданъ Владиміро-Суздальскій типъ, но переданъ не точно. Посводнаго покрытія тогда не могло быть, такъ какъ дерево наврядъ-ли можно покрыть посводно. Правильное понятіе о первоначальной Нередицѣ она давала до своей послѣдней реставраціи.

Далѣе, изъ сохранившихся памятниковъ древняго Новгородскаго зодчества, слѣдуетъ указать на церковь Николы на Липнѣ, на Никольскій (Николодворищенскій) соборъ, на Антоніевъ монастырь. У его собора вежа несомнѣнно XIII в.—эти сторожевыя башни—особенность Новгородскихъ древнѣйшихъ соборовъ, такъ какъ башня

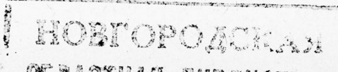
есть и въ соборѣ Юрьева монастыря. Рѣдкій по типичности памятникъ—это церковь Спаса Преображенія—у нея многоскатное покрытіе, на ея стѣнахъ рельефныя (обронныя) каменныя украшенія, хотя они не идутъ въ сравненіе съ Владиміро-Суздальскими такими же украшеніями;—тамъ масса фигуръ, значеніе которыхъ еще недостаточно уяснено: по одному объясненію, это выраженіе идеи—„всякое дыханіе да хвалитъ Господа"; на Новгородскихъ же церквахъ обронныя украшенія состоятъ лишь изъ крестовъ различнаго размѣра.

Трибунъ у Спасопреображенской церкви совершенно круглый и куполъ строго византійскій,—тогда какъ русскіе зодчіе старались его вытягивать. Церковь Θеодора Стратилата,—очень напоминаетъ Спасопреображеніе. Затѣмъ идутъ: церковь Іоанна Богослова, церковь Петра и Павла, церковь Бориса и Глѣба; послѣдняя была соборной, она похожа на Спасопреображенскую церковь, но гораздо ея больше, какъ соборная. Упомяну еще Волотово, Ковалево. Какова же характеристика этихъ памятниковъ Новгородскаго зодчества XI—XV столѣтія? Разсмотримъ отдѣльно: технику, планы, фасадныя формы, окна, порталы, трибуны, иконостасы, внутреннюю роспись и звоницы.

Техника была проста. Въ дѣло шелъ камень (плита), добываемый изъ береговъ Волхова. Дѣ-

лали 2 деревянныя стѣнки на аршинномъ разстояніи и потомъ заполняли промежутки между ними камнемъ и боемъ кирпича, а потомъ заливали цементомъ, состоявшимъ изъ извести съ пескомъ и пенькою. По мѣрѣ возвышенія и затвердненія каменной стѣны, возвышали и деревянныя стѣны. Этотъ способъ назывался „строить стѣнку въ коробку“, и стѣны, такимъ образомъ, выходили неровныя. Когда цементъ забиралъ силу, стѣны становились очень крѣпкими и разбить ихъ становилось также трудно, какъ и камень. Для связей употребляли дерево. Такимъ образомъ, въ самой строительной техникѣ мы имѣемъ признаки для опредѣленія Новгородской постройки: стѣны выложены несовершенно— неровно и изъ разнороднаго камня, связи деревянныя, въ древнѣйшихъ храмахъ онѣ крашеныя; но все это характерно для Новгородскихъ построекъ только ранѣе XV вѣка. Техника, конечно, совершенствовалась.

Планъ зданія--это костякъ, его надо облечь въ плоть и кровь, и тогда онъ получитъ свою индивидуальность. Основа византійскаго храма— это 4 столба; они соединяются арками, на нихъ ставится трибунъ. Для алтаря съ востока пристраивалась полуциркульная апсида, двѣ меньшія апсиды устраивались иногда для жертвенника и діаконника. Если въ храмѣ бывало нѣсколько престоловъ, то для каждаго была своя

апсида. Если храмы были большіе, то был больше и столбовъ, такъ, у Св. Софіи въ Кон стантинополѣ ихъ 16.

Признаки фасадныхъ формъ Новгородских храмовъ—это 3 фаса, раздѣленныхъ 2-мя стол бами; столбы фасада соотвѣтствуютъ столбам храма: столбы фаса соединены арками, средняя арка шире. Въ Суздальской и Московской архи тектурѣ было еще горизонтальное дѣленіе стѣнъ— пояскомъ. Въ Новгородѣ наиболѣе интересная фасадная форма у церкви Спаса Преображенія; у нея раздѣлка стѣнъ въ видѣ щипца—это на поминаетъ готическую архитектуру. Но щипецъ Новгородскій является не подъ вліяніемъ за падно-европейской готики. Строгое напоминаніе готики мы видимъ только въ Новгородской грано витой Палатѣ, но этотъ памятникъ не получилъ еще разъясненія.

Въ Новгородскихъ церквахъ—уголъ (стрѣлка) проходитъ строго по всему зданію и его прото типъ надо искать въ щипцѣ деревянной Нов городской избы. Подобное устройство вызывалось климатическими особенностями, чтобы снѣгъ не накоплялся на крышѣ. Щипецъ—форма крыши деревянной Новгородской постройки и форма эта была перенесена и въ каменное зодчество. Щи пецъ мы встрѣчаемъ только съ XIV до XVI в.

У Бориса и Глѣба, какъ соборной церкви, щипцовъ болѣе; ихъ по 3 на каждомъ боковомъ фасѣ.

Въ храмахъ византійскихъ окна были тройчатыя, а въ Новгородскихъ щели. Широкими окнами Новгородцы боялись повредить крѣпости стѣнъ; къ тому же щелеобразныя окна лучше берегли тепло, что при нашемъ климатѣ было очень важно, такъ какъ церкви не отоплялись. Порталы встрѣчаются рѣдко—у Св. Софіи, въ церкви Климента. Кровли были отчасти коробовыя, съ XIV вѣка со щипцомъ и поэтому многоскатныя.

Византійскій трибунъ былъ многогранный, а у насъ всегда гладкій. Иногда трибуны украшались изразцами (напр. у Ѳеодора Стратилата на Софійской сторонѣ).

Сперва купола у насъ были византійскіе, а потомъ они вытягиваются луковицей.

На маковицахъ кресты съ XVI в. восьми и шести-конечные. Подъ крестомъ луна. Лунѣ этой придаютъ разныя толкованія, между прочимъ, какъ символъ побѣды надъ магометанствомъ, но это неосновательно, такъ такъ въ XIV в. татарское иго еще не кончилось.

Есть такой крестъ и на такъ называемыхъ Сигтунскихъ вратахъ Св. Софіи Новгородской, которыя несомнѣнно Византійскаго происхожденія, а Византія была завоевана магометанами. Другое толкованіе видитъ въ лунѣ побѣжденнаго діавола, попраннаго крестомъ, въ стилизованномъ видѣ—въ формѣ полулунія. Наконецъ,

третье наиболѣе вѣроятное толкованіе П. Л. Гусева (изслѣдованіе его напечатано во 2-мъ выпускѣ „Сборника Новг. Общ. Люб. Др.), что это процвѣтшій крестъ.

Крестъ на маковицѣ вѣнчался иногда голубемъ (Новгородская Софія и др.). По мнѣнію гр. Строганова, голубь былъ только на сѣверныхъ храмахъ и указывалъ на архіерейскую каѳедру; но это мнѣніе не основательно, голубь на крестѣ выражаетъ собой пріосѣненіе храма и молящихся въ немъ Святымъ Духомъ, а помѣщался онъ обыкновенно на соборахъ потому, что только при построеніи соборныхъ храмовъ средства позволяли выполнять всѣ детали христіанской символистики; такъ, помимо соборныхъ храмовъ, мы его видимъ на Успенской церкви во Псковѣ, а она была не соборная, а приходская. Во внутреннемъ расположеніи Новгородскихъ храмовъ нѣтъ крупныхъ особенностей — можно указать, что у нихъ нѣтъ внѣшняго нарфикса (галлереи съ колоннадой), это объясняется непригодностью его въ нашемъ климатѣ. Новгородскіе иконостасы были гораздо выше, нежели въ храмахъ Византійскихъ, но до XV ст. высокаго иконостаса не было и въ Россіи.

Особенность Новгородскихъ храмовъ составляютъ также голосники—это продолговатые глиняные горшки, которые вставлялись въ кладку чаще всего парусовъ. Они встрѣчаются еще въ

Гроднѣ, Ростовѣ и Костромѣ, но тамъ какъ исключеніе, здѣсь-же какъ правило. Есть мнѣніе, что это были резонаторы, какъ и въ греческихъ театрахъ, но по изслѣдованію оказалось, что голосники ослабляли резонансъ. Можно скорѣе предполагать, что они употреблялись для облегченія тяжести сводовъ.

Въ Новгородѣ колокола были уже въ XI столѣтіи. Изъ лѣтописи мы знаемъ, какъ Всеславъ Полоцкій увезъ колокола, когда ограбилъ Св. Софію; Св. Антоній Римлянинъ, при прибытіи въ Новгородъ, услышалъ колокольный звонъ, какъ повѣствуетъ его житіе; но колокола были небольшіе; колоколъ Антонія Римлянина вѣситъ всего одинъ пудъ, а для небольшихъ колоколовъ не требовалось и большихъ приспособленій и прототипомъ Новгородской звоницы является перекладина на 2 столбахъ. Даже и значительно позднѣе, при Грозномъ, колоколъ, вылитый митрополитомъ Макаріемъ для Св. Софіи, вѣсилъ всего 200 пуд. Шатровыя колокольни появляются только въ XVI в. Новгородское архитектурное вліяніе простиралось на Москву и Кіевъ; Москва не только пользовалась образцами церквей, но даже выписывала Новгородскихъ мастеровъ. Такъ продолжалось до XVI ст.

Съ утратою своего политическаго значенія, тѣмъ не менѣе, архитектурное значеніе Новгорода удерживается сполна, и Москва не полу-

чила бы своего архитектурнаго развитія, если бы не опиралась на Новгородское зодчество.

На Востокѣ, откуда была получена христіанская монументальная живопись,—была мозаика, а въ Новгородѣ фреска. Мозаика дѣло роскоши—на нее нужны были большія затраты, требовались опытные мастера, въ Россіи же на первыхъ порахъ христіанства ни того, ни другого не было.

Есть остатки орнаментальной мозаики въ алтарѣ Новгородской Софіи, но это единственный случай въ Новгородѣ. Стѣны можно расписывать двумя способами—по сухому грунту штукатурки (al secco) и по сырому еще грунту—al fresco.

Для росписи al fresco заготовлялся грунтъ изъ извести, песка и пеньки, и пока онъ не высохъ, надо было написать изображеніе. Фресковая живопись имѣетъ свои невыгоды: 1) художникъ долженъ скоро работать, 2) въ техническомъ отношеніи фреска неудобна потому, что ее исправлять уже нельзя, и 3) краски при высыханіи штукатурки видоизмѣняются. Но, несмотря на эти неудобства, она имѣетъ незамѣнимыя преимущества—она долговѣчна, потому что краски ассимилируются со штукатуркой; такъ, нѣкоторыя Новгородскія фрески существуютъ болѣе 700 лѣтъ. Этотъ родъ живописи былъ бы очень полезенъ въ настоящее время, но секретъ его утраченъ.

Самая прочная роспись храма,—конечно, мозаика, но она дорога. Изъ мозаикъ самая дешевая венеціанская—ее дѣлаютъ не въ храмѣ, а въ мастерской и на лѣвую сторону, а потомъ переносятъ и устанавливаютъ въ храмѣ; тѣмъ не менѣе каждый ея вершокъ стóитъ не менѣе 30 к., а части лица 3—5 р.; въ образахъ же В. М. Васнецова въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ 4—5 р. за квадр. вершокъ фона.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, римская мозаика—прямо на стѣнѣ храма,—слишкомъ дорогà, живопись по сухому грунту не прочна, масляная подвержена дѣйствію сырости, отъ которой она чернѣетъ.

Новый способъ—Кеймовская живопись еще недостаточно испытана. Ея изобрѣтатель—Кеймъ—самъ признаётъ, что, если въ кладку попадетъ гнилой кирпичъ, то живопись исчезаетъ; кромѣ того, краски должны быть изготовлены строго по формулѣ, но художники пишутъ не формулами, а красками. Наконецъ, этотъ способъ не даетъ возможности поправки. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что кеймовскій способъ не примѣнимъ въ монументальной живописи. Вотъ почему важно возстановить старинную фреску, но художники ей предпочитаютъ масляныя краски, которыми работать гораздо легче.

Обратимся къ разсмотрѣнію Новгородской монументальной росписи.

Въ I-й Новгородской лѣтописи подъ 1045 г. мы читаемъ: „Въ лѣто 6553 сгорѣ Св. Софія, въ субботу, по заутрени, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть Св. Софія Новгородѣ Володиміромъ княземъ". Расписывалась Св. Софія 7 лѣтъ цареградскими мастерами, и о чудѣ, бывшемъ при написаніи образа Спасителя во главѣ, въ III-й Новгородской лѣтописи разсказывается слѣдующее: Иконописцы написали Спасителя съ благословляющей рукой. На другой день рука оказалась сжатою. По приказанію епископа Луки, до трехъ разъ исправляли фреску—и каждый разъ Спаситель чудесно являлся съ сжатою десницею. Наконецъ, въ 4-й разъ отъ образа Спасителя былъ гласъ иконописцамъ: „писари, писари, о писари! не пишите мя благословящею рукою, напишите мя съ сжатою рукою. Азъ бо въ сей руцѣ моей сей Великій Новгородъ держу: а егда сія моя рука распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе".

Для насъ важно, что въ куполѣ написанъ образъ Спаса (Пантократоръ), ниже въ трибунѣ Архангелы, а еще ниже, между оконъ, пророки, т. е. роспись подчинялась установленному порядку. Теперь же роспись Св. Софіи не то, что было первоначально—ни основной типъ,

ни детали не отвѣчаютъ требованіямъ XI ст. Только изображеніе Константина и Елены и Пророковъ даютъ понятія о древнихъ Новгородскихъ фрескахъ, и въ нихъ поражаетъ свѣтлость красокъ. Соборъ былъ весь росписанъ, но роспись эта до насъ не дошла, кромѣ помянутыхъ изображеній. Поэтому, для сужденій о древнихъ Новгородскихъ фрескахъ обратимся къ сохранившимся фрескамъ Нередицкой церкви, построенной въ 6706 (1198) г. „Заложи церковь камяну князь великій Ярославъ, сынъ Володиміръ, внукъ Мстисласль, во святаго Спаса Преображенія Новѣгородѣ на горѣ, а прозвище Нередице, и начаша дѣлати мѣсяца іюня въ 8 на святаго Ѳеодора, а кончаша мѣсяца сентября“ (I Нов.). Какъ видите, построена она была въ 3 мѣс. Вообще строились тогда церкви необыкновенно скоро—такъ церковь Преображенія въ Ст. Руссѣ въ 70 дней, церковь Прокопія въ Новгородѣ въ 4 дня.

Росписана была Нередицкая церковь въ 1199 г. и уцѣлѣвшія послѣ пожара 1543 года фрески сохранились до нашихъ дней, безъ всякаго исправленія, хотя это и нельзя считать научно доказаннымъ. Въ Нередицкой церкви есть надписи на столбахъ (grafitti), но онѣ не обслѣдованы еще въ научномъ отношеніи, и это прямо насущная научная задача.

На южной сторонѣ находится замѣчательное

изображеніе кн. Ярослава Владиміровича—это самое обычное изображеніе ктитора, подносящаго построенную имъ церковь Христу. Князь Ярославъ скончался около 1230 г.

Въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія, В. А. Прохоровъ замѣтилъ на головѣ князя подобіе татарской фески, онъ промылъ изображеніе и оказалось, что фреска была исправлена. Я лично не разъ бывалъ въ Нередицѣ, но нигдѣ никакихъ слѣдовъ исправленія не видалъ. Если и была реставрація, то она состояла только въ освѣженіи красокъ, безъ измѣненія контуровъ, почему мы и можемъ на нихъ смотрѣть какъ на фрески XII столѣтія. Приближаются они по стилю къ Кіевскимъ фрескамъ XII столѣтія, но по сохранности своей превосходятъ всѣ доселѣ извѣстныя въ Россіи и Византіи фрески до XV столѣтія. Это фрески совершенно византійскаго образца и даже надписи на многихъ изъ нихъ на греческомъ языкѣ.

Съ точки зрѣнія системы храмовой росписи, фрески Нередицкой церкви ей строго удовлетворяютъ: расписывая храмъ, въ старину держались извѣстныхъ прототиповъ. Теперь на это смотрятъ съ точки зрѣнія декоративной только и помѣщаютъ гдѣ что ни попало—не дается никакого смысла внутренней росписи храма, но прежде роспись давала идею о связи церкви земной съ церковью торжествующей, эта идея дана въ „Кормчей книгѣ“.

Порядокъ росписи былъ таковъ: въ куполѣ Господь Вседержитель — Пантократоръ — всегда бюстовое изображеніе; ниже — Ангелы или Вознесеніе; еще ниже — пророки, въ парусахъ евангелисты, въ алтарѣ — литургія. Въ средней части храма на стѣнахъ — праздники, на столбахъ — изображенія святыхъ. На западной стѣнѣ — страшный судъ. Въ подпружныхъ аркахъ 40 мучениковъ въ медальонахъ. Въ Нередицѣ подобное расположеніе строго выдержано. Вотъ обычная схема, которой придерживались живописцы монументальной росписи древняго русскаго храма.

Монументальная фресковая живопись требовала техническаго умѣнія и опытныхъ мастеровъ, которыхъ не вездѣ можно было найти, между тѣмъ какъ производство иконъ на деревѣ въ XVI в. получило въ Россіи значительное развитіе и распространеніе. Въ древнѣйшія времена вмѣсто иконостасовъ находилась низкая алтарная преграда, по верхнему карнизу которой были ниши въ одинъ рядъ. Съ XV в. сталъ образовываться, отъ карниза преграды вверхъ, нашъ теперешній иконостасъ. Укажемъ здѣсь систему, по которой въ иконостасѣ расположены образа по разнымъ ярусамъ (тябламъ). Въ первомъ низшемъ тяблѣ по правую сторону царскихъ вратъ — икона Спасителя и икона Храмоваго Святаго, на лѣво — икона Богоматери. На царскихъ вра-

тахъ Благовѣщеніе, а на сѣверной и южной дверяхъ—ангелы, діаконы или святители. Во 2-мъ тяблѣ—надъ царскими вратами—тайная вечеря, а по обѣимъ сторонамъ ея—иконы двунадесятыхъ праздниковъ; въ 3-мъ тяблѣ Деисусъ посрединѣ, а по сторонамъ его апостолы; въ 4-мъ тяблѣ Богоматерь съ пророками по сторонамъ. Вѣнецъ иконостаса составляетъ крестъ. Такимъ образомъ схема расположенія иконъ въ иконостасѣ соотвѣтствуетъ схемѣ древней монументальной храмовой росписи.

Возвращаюсь къ росписи Нередицкаго храма. Образъ Вознесенія въ куполѣ поврежденъ пожаромъ 1543 года. Изображенія апостоловъ сдѣланы съ хорошихъ греческихъ образцовъ, но копировальщики были не очень хорошіе. Пророкъ Давидъ и пророкъ Соломонъ—совершенно византійскаго характера. На аркѣ поддерживающей алтарный сводъ, написанъ нерукотворенный образъ Спаса, а напротивъ на аркѣ такой же образъ; но это не повтореніе. Когда Іисусу Христу художникъ Ананія передалъ желаніе царя Авгаря имѣть изображеніе его, то Спаситель приложилъ къ своему лику полотенце—получился такъ называемый образъ нерукотвореннаго Спаса; Ананія пошелъ съ этимъ изображеніемъ къ Авгарю, и когда заночевалъ близъ г. Едессы, то положилъ полотно съ ликомъ на кирпичи, на которыхъ и отпечатался ликъ Спасителя. Второй

Нередицкій нерукотворенный образъ и напоминаетъ это событіе. Изображеніе Христа на алтарномъ сводѣ съ сѣдыми волосами и крестообразнымъ нимбомъ около головы и надписью: „I. X. ветхій деньми“ объясняется пророчествомъ Даніила: „престоли поставишася и ветхій деньми сѣде“. Въ алтарной апсидѣ изображеніе Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ; у Божіей Матери воздѣтыя къ верху руки—это такъ называемая „нерушимая стѣна“, напоминаетъ она древнюю оранту (молящуюся).

Въ алтарной апсидѣ изображена Евхаристія въ такъ называемомъ Литургическомъ переводѣ. На ней Христосъ въ положеніи священника, а сослужатъ ему за діаконовъ—ангелы. Это иконографическая форма не позднѣе V-го вѣка, и удержалась она до настоящаго времени. Здѣсь-же изображены святители, причемъ они въ фелоняхъ, а не саккосахъ. По стѣнамъ храма праздники: Введеніе во Храмъ; Срѣтеніе Господне (клѣтка съ птичкой—обычный даръ). Крещеніе Христа—гдѣ воспріемниками изображены ангелы съ простынями въ рукахъ. Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Въ изображеніяхъ мучениковъ обратите вниманіе на ихъ атрибуты: въ правой рукѣ крестъ, а лѣвая длань распростерта и поднята кверху.

Въ алтарѣ женщинъ (кромѣ Божіей Матери) не изображали, но въ діаконникѣ Нередицкой

церкви изображены діакониссы. На западной стѣнѣ изображенъ Страшный Судъ.

Въ Нередицѣ мы имѣемъ единственную картину страшнаго суда этой отдаленной эпохи.

Изъ древнихъ фресокъ Новгородскихъ въ другихъ церквахъ до насъ дошли нѣкоторыя изображенія въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ и въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ во Псковѣ, но послѣднія переписаны. Обращу еще ваше вниманіе, что Христа и Святыхъ въ профиль не изображали; такимъ образомъ на фрескахъ Спасо-Мирожскаго мон., въ Евхаристіи, въ профиль нарисованъ лишь Іуда, а въ другихъ иконахъ палачи.

Историческое развитіе монументальной живописи идетъ параллельно съ развитіемъ литературы и просвѣщенія.

Въ XVI и XVII в. въ Новгородѣ значительно увеличилось число средствъ къ просвѣщенію и явилась потребность сознательнаго отношенія къ искусству, которая выработала наклонность къ красотѣ внѣшнихъ формъ. Изъ постановленій „Стоглава“ (1551 г.) видно, что въ то время не ограничивались одной безотчетной вѣрой;—явилась потребность все объяснить,—вслѣдствіе этого изобразительное искусство расширяетъ свое содержаніе.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ явилась такъ называемая царская школа живописи, во главѣ которой стоялъ Симонъ Ушаковъ. Въ эту школу привозились иностранные образцы, и даже нѣкоторые живописцы посылались за границу для обученія; но не всегда западные образцы были примѣнимы, поэтому наши художники приспособляли эти заграничные образцы къ русскому пониманію. Такъ напр. въ Италіи существовало изображеніе „процвѣтшаго креста" въ такой формѣ: изъ процвѣтшаго креста исходитъ рука, поражающая синагогу въ образѣ женщины съ завязанными глазами верхомъ на лошади; а въ русскомъ выполненіи рука эта поражаетъ скелетъ съ косою въ рукѣ, т. е. смерть.

Въ итальянскомъ изображеніи другая рука, исходящая изъ процвѣтшаго креста, вѣнчаетъ группу, символизирующую церковь въ смыслѣ собранія вѣрующихъ; а въ русскомъ изображеніи—на томъ же мѣстѣ—рука вѣнчаетъ храмъ, т. е. церковь—зданіе. Такое пониманіе упростило задачу художника, облегчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе сюжета мірянами.

Вліяніе царской школы быстро распространялось; представители ея прилагали всѣ усилія къ тому, чтобъ вложить жизнь въ искусство.

Памятниковъ этой школы уцѣлѣло много: не говоря о Московскихъ храмахъ (Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы) они

сохранились въ Ярославлѣ, Тулѣ, Костромѣ (Ипатьевскій монастырь) Вологдѣ и даже въ Архангельской губ. Охватить ихъ всѣ невозможно, поэтому остановимся на тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе ярко видѣнъ ростъ русскаго искусства.

Возьмемъ монументальную живопись какой либо Ярославской церкви XVII в. и сравнимъ ее съ Нередицкими фресками;—это сравненіе покажетъ намъ громадный ростъ содержанія церковной живописи.

Русскіе художники изображаютъ не только отдѣльные сюжеты, но даже части текста и церковныхъ пѣсень. Такъ напр. „слово плоть бысть"; въ этой композиціи Богоматерь съ Христомъ въ нѣдрахъ (на груди, какъ у Знаменской Божіей Матери). Въ Нередицкой церкви Божія Матерь нерушимая стѣна (оранта), а въ церкви Іоанна Предтечи на Толчковѣ въ Ярославлѣ (XVII в.) изображается въ олицетвореніи церковной пѣсни „о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь" въ самой сложной композиціи. Богоматерь на тронѣ въ облакахъ, а вокругъ Ангельскій соборъ—ангелы, человѣческій родъ—люди, освященный храмъ—русская церковь, рай—вертоградъ, т. е. садъ съ деревьями и травой.

Въ алтарной апсидѣ теперь появляется изображеніе, выражающее не только идею Евхари-

Постепенно старинная иконопись приближалась къ живописной. Къ таковой по типу подходитъ въ Ярославскихъ храмахъ XVII в.: 1) Нерукотворенный образъ Спасителя, 2) изображенiе Божiей Матери на трибунѣ, подъ западнымъ влiянiемъ, на тему „пѣснь пѣсней", 3) Недреманное око, 4) картины Благовѣщенiя въ роскошной обстановкѣ—памятникъ въ стилѣ эпохи Возрожденiя, 5) картина Вознесенiя—цѣлый рядъ Ангеловъ, трубящихъ въ трубы—подражанiе западно-европейскому стилю (Перуджино), 6) въ верхней части иконостаса, изображенiе праотца Ноя, держащаго ковчегъ (условн. форма) и Мельхиседека.

Въ царской школѣ былъ постоянный обмѣнъ живописцевъ—въ нее приходили учиться изъ провинцiальныхъ городовъ (живописцы городовые), а столичные живописцы уходили по русскимъ городамъ—этимъ путемъ достигался и обмѣнъ художественныхъ идей.

Задача этихъ лекцiй была не въ нагроможденiй знанiй, а въ желанiи привить къ сознанiю слушателей нѣкоторую любовь и уваженiе къ нашей художественной старинѣ,—что можетъ имѣть мѣсто только при обстоятельномъ знакомствѣ съ ней.
